3 1761 06585529 8

BRIEF
PGA
0059042

δ 5.11

Beseda, 1915 p. 32-49

LIBRARY
APR 8 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

Пушкинъ и Гоголь въ ихъ личныхъ отношеніяхъ.

(Вопросъ о „дружбѣ").

Pushkin i Gogol' v' ikh' lichnykh' otnoshenîakh?

Сказки—ложь и вымыселъ, но все истинно великое и значительное окружается, рано или поздно, сказками, и за всякимъ великимъ человѣкомъ идетъ легенда, идетъ неизбѣжно и неотступно, идетъ словно тѣнь. И кажется, что въ этомъ сравненіи лежитъ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ обычная внѣшняя метафора: кажется, что личности генія также свойственно отбрасывать отъ себя въ будущее легенду, какъ всякому тѣлу подлѣ себя свою тѣнь. И даже еще дальше слѣдуетъ повести эту параллель, такъ какъ сказки о геніи возникаютъ по преимуществу тамъ, гдѣ у генія отсутствуетъ прекрасное, т. е., тамъ, гдѣ мы по своей требовательности уже готовы видѣть тѣнь. Здѣсь-то потомство и творитъ сказку; творчествомъ этимъ двигаетъ благороднѣйшая тенденція нашего духа,—отъ великаго и свѣтлаго ждать только великаго и свѣтлаго, и поскольку эта тенденція органична человѣку, постольку неизбѣжно и созданіе легенды; она дополнитъ все недостающее, она удовлетворитъ всей нашей идеалистической требовательности, въ ней осуществляется все, чего мы хотимъ, и въ ней нѣтъ никакихъ оговорокъ, никакихъ тѣней.

Вотъ почему, когда мы узнали, что Пушкинъ и Гоголь,—оба геніи, оба великіе,—были знакомы между собою, то мы не могли не возвести это знакомство въ наивысшій и идеальный предѣлъ,—въ интимную и теплую дружбу, и утвердили это, какъ и типично для сказки, голословно и бездоказательно. Мы предлагаемъ здѣсь опытъ пересмотра этого, въ лучшемъ случаѣ, еще вопроса.

Brief
PGA
00>9042

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/pushkinigogolvik00luki

I.

Характерно, что первые біографы Пушкина и Гоголя, т. е. Анненковъ и Кулишъ, работавшіе еще по довольно горячимъ слѣдамъ, не высказывали такого опредѣленнаго взгляда и ограничивались очень общими замѣчаніями. Ихъ, съ легкой руки самого Гоголя, впослѣдствіи раздули и преувеличили до чрезмѣрности. У Шенрока, тщательнѣйшаго изслѣдователя біографіи Гоголя во всѣхъ ея подробностяхъ, читаемъ напр. слѣдующее: „Въ жизни Гоголя знакомство съ нимъ (Пушкинымъ—Б. Л.) было, безъ сомнѣнія, одной изъ самыхъ яркихъ страницъ. Свѣтлымъ взглядомъ настоящаго генія Пушкинъ тотчасъ прозрѣлъ въ человѣкомъ, застѣнчивомъ *молодомъ другѣ* (курс. нашъ) явленіе необычайное... *Дружба* (к. н.) его привѣтливымъ, яркимъ лучемъ озарила и обогрѣла томившагося среди суроваго равнодушія столицы, на угрюмомъ сѣверѣ, этого юнаго пришельца съ юга“ [1]).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій въ своей распространенной книгѣ о Гоголѣ пишетъ такъ: „Лѣтомъ 1831 г. вышла въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ 1-я часть „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Незадолго передъ тѣмъ знакомство Гоголя съ Пушкинымъ уже перешло въ *интимныя, дружескія отношенія*“ (к. н.) [2]). У Н. А. Котляревскаго сказано приблизительно то же: „Съ Жуковскимъ Гоголь познакомился въ концѣ 1830 г., съ Пушкинымъ въ 1831 г. Отношенія установились сразу очень хорошія, несмотря на неравенство лѣтъ и положенія. Въ кабинетѣ Пушкина, у Жуковскаго, Одоевскаго, Віельгорскаго, въ салонѣ фрейлины Россетъ протекали счастливыя для Гоголя минуты, когда онъ чувствовалъ себя въ сосѣдствѣ съ геніемъ, добромъ и красотой—съ этими тремя дарами, которые онъ цѣнилъ выше всего въ жизни.“ [3]).

Даже у С. Венгерова въ его интересной статьѣ: „Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни“ [4]), уже даже

---

[1]) В. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, I, 339—340.

[2]) Собран. соч. 1909, Т. I, 6.

[3]) Н. В. Гоголь, 1908, 128—129.

[4]) „Рѣчь“ 27 и 28 февраля 1913 г.; Собр. соч. II, 117 и сл.

безъ непосредственной надобности, а прямо какъ установленный фактъ, Гоголь называется „другомъ“ Пушкина [1]).

Всѣ эти цитаты, какъ видимъ, говорятъ въ сущности одно и то же, именно: что отношенія Пушкина и Гоголя были отношеніями людей очень близкихъ, что связь ихъ была тѣмъ крѣпче, что она могла преодолѣть всѣ препятствія,—разницу и лѣтъ, и положенія.

Однако, при знакомствѣ съ Гоголемъ, съ личностью его, точность этой картины становится весьма сомнительной. Слишкомъ много было въ Гоголѣ замкнутости, сдержанности, порой даже подозрительности, чтобы легко можно было повѣрить въ эту трогательную картину тѣсной дружбы двухъ нашихъ геніевъ; слишкомъ рѣдко спадала съ Гоголя его болѣзненная недовѣрчивость, и слишкомъ трудно было заставить раскрыться его сложную душу. Да и разница возраста и положенія оказывается уже слишкомъ легко преодолѣнной, и опять таки особенно для Гоголя. Вѣдь онъ-то ни на минуту, конечно, не забывалъ ея,—онъ, мелкій чиновникъ, плебей и едва начинающій писатель, такъ головокружительно быстро попавшій въ общество Пушкина и Жуковскаго, въ придворный салонъ фрейлины Россетъ, въ сферу аристократіи ума, положенія и породы. Да, едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что и здѣсь онъ оставался все тѣмъ же сдержаннымъ Гоголемъ и, наоборотъ, нужно имѣть очень смѣлую фантазію или очень убѣдительные факты, чтобы допустить, что въ этой, конечно, гораздо болѣе чинной и чопорной обстановкѣ, чѣмъ та, которая была для него обычной,—что здѣсь именно спадала съ Гоголя вся его подозрительность и скрытность, чтобы атмосфера аристократической гостиной такъ предрасполагала къ откровенности, къ интимности, къ дружбѣ. Въ запискахъ А. О. Смирновой нѣсколько разъ говорится прямо о томъ, что Гоголь чувствовалъ себя въ ея средѣ и у нея самой не очень свободно. Вотъ первое впечатлѣніе отъ Гоголя: „Онъ, кажется, очень уменъ, но говоритъ мало, т. к. очень застѣнчивъ“. И далѣе: „онъ отказался придти (къ Смирновой): онъ слишкомъ робокъ“ [2]). „Жуковскій въ восторгѣ отъ того, что ему удалось прита-

[1]) „Рѣчь“ 27 февраля 1913 г.; тамъ же, II, 129.

[2]) Записки О. А. Смирновой, 1893, ч. I, 41.

щить упирающагося хохла... Они (Пушкинъ и Жуковскій) такъ дразнили Гоголя за его дикость и застѣнчивость, что онъ, наконецъ, пересталъ стѣсняться, и самъ былъ очень доволенъ, что пришелъ ко мнѣ съ конвоемъ" [1]). Значитъ безъ „конвоя" было все-таки страшновато. Это—о началѣ знакомства, но и впослѣдствіи у Смирновой продолжаютъ фигурировать все тѣ же эпитеты: „упрямый" [2]), „неловкій;" когда „Гоголь читаетъ, онъ оживляется, становится не такимъ неловкимъ" [3]).

——

Но какъ же, несмотря на все это, создалась иллюзія близкой дружбы Пушкина и Гоголя? Въ этомъ больше всего виноватъ, конечно, самъ Гоголь, такъ преувеличившій впослѣдствіи, когда Пушкина уже не стало, свою близость съ нимъ; съ другой стороны, матеріалъ для такой иллюзіи могло дать, какъ самому Гоголю, такъ и позднѣйшимъ историкамъ, внѣшнее отношеніе Пушкина къ Гоголю, его такъ сказать тонъ,—тонъ сочувственный и доброжелательный. Этотъ тонъ былъ нормальнымъ для Пушкина, и Анненковъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина" описывалъ его такъ: „Подъ дѣйствіемъ... снисходительнаго взгляда на людей, и внѣшнія формы жизни должны были пріобрѣсть и особенное достоинство, и особенную прелесть. Въ обхожденіи Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человѣка и съ перваго раза установлявшая самыя благородныя отношенія между собесѣдниками" [4]). „Дружелюбная откровенность" [5]), еще такъ опредѣляетъ Анненковъ этотъ тонъ Пушкина. Съ Анненковымъ, по-моему, считаться въ данномъ случаѣ очень не лишне: какъ старѣйшій біографъ Пушкина, онъ могъ особенно способствовать возникновенію многихъ взглядовъ, связанныхъ съ его именемъ; правда, о дружбѣ Пушкина и Гоголя онъ такъ рѣшительно, какъ позднѣйшіе изслѣдователи, не говоритъ, но не лишне будетъ замѣтить, что приведенная только что характеристика тона Пушкина

[1]) Ib. 43.
[2]) Ib. 48.
[3]) Ib. 49.
[4]) Матеріалы, 1855 г., 165.
[5]) Ib.

сдѣлана по поводу его отношеній къ литературной молодежи и притомъ помѣщена какъ разъ слѣдомъ за (приводимымъ имъ) извѣстнымъ восторженнымъ письмомъ Пушкина къ А. Ѳ. Воейкову о „Вечерахъ на хуторѣ", т. ч., конечно, напрашивается выводъ или minimum создается впечатлѣніе о близости и „дружелюбной откровенности" Пушкина съ Гоголемъ. Вполнѣ возможно, оно такъ и было, но только со стороны Пушкина, что, конечно, вовсе не указываетъ такого же отношенія и съ другой стороны, т. е. со стороны Гоголя къ Пушкину. Между тѣмъ въ этомъ все дѣло, т. к. дружелюбный тонъ Пушкина, будучи для него обычнымъ и нормальнымъ, ни на что исключительное, разумѣется, самъ по себѣ не указываетъ.

Таково наше сомнѣніе и наши доводы a priori.

II.

Но разберемся безпристрастно въ имѣющемся по этому вопросу сыромъ матеріалѣ, это явится, конечно, болѣе надежной провѣркой оспариваемаго мною взгляда.

И вотъ, какъ это ни неожиданно, но съ первыхъ же шаговъ надо констатировать, что по этому вопросу мы не располагаемъ достаточнымъ количествомъ точныхъ данныхъ. Весь наличный матеріалъ очень не великъ, да и, кромѣ того, въ значительной части своей онъ не можетъ быть признанъ за вполнѣ надежный. По преимуществу приходится извлекать его изъ свидѣтельствъ самого Гоголя и притомъ, главнымъ образомъ, изъ „Авторской Исповѣди", гдѣ едва ли можно во всемъ довѣрять Гоголю всецѣло и буквально: онъ самъ, смотря издали, могъ видѣть многое измѣненнымъ: а вѣдь психическое зрѣніе отъ физіологическаго въ этомъ положеніи тѣмъ по преимуществу и разнится, что склонно терять общую перспективу и несоразмѣрно подчеркивать детали.—Другимъ, еще болѣе подозрительнымъ источникомъ являются записки А. О. Смирновой. Прибавимъ сюда письмо Пушкина къ А. Ѳ. Воейкову осенью 1831 г. о „Вечерахъ на хуторѣ" и короткую рецензію Пушкина на нихъ же, очень небольшую переписку Пушкина съ Гоголемъ, и весь наличный, т. ск. „сырой" матеріалъ исчерпанъ. То, что мы будемъ въ состояніи прибавить сюда, окажется уже результа-

томъ различныхъ „спекуляцій“ надъ этимъ матеріаломъ и надъ чисто внѣшними біографическими данными относительно обоихъ писателей.

Гоголь познакомился съ Пушкинымъ, какъ указываетъ Н. Лернеръ, слѣдуя В. Шенроку и Ф. Витбергу, весною 1831 г., именно между 20 и 23 мая [1]), познакомился черезъ Жуковскаго. Лѣто 1831 г. они всѣ прожили въ Царскомъ Селѣ, а 2-го ноября 1831 г. Гоголь писалъ въ письмѣ къ своему другу и еще школьному товарищу А. С. Данилевскому по этому поводу слѣдующее: „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ... Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ подъ пера сихъ мужей. У Пушкина повѣсть октавами писанная „Кухарка“, въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того сказки русскія народныя... [2]) и т. д. „Жуковскій, Пушкинъ и я“, — вотъ мѣсто, которое какъ-будто говоритъ за большую близость нашихъ поэтовъ. Но не бросается ли сразу въ глаза, не рѣжетъ ли даже ихъ такое громкое заявленіе? Вѣдь Гоголь только что познакомился съ Пушкинымъ, и до такой короткой близости, на какую здѣсь намекается, дѣло не могло дойти прямо по недостатку времени. Я же лично глубоко убѣжденъ, что эта фраза написана тк. ск. для большаго шику, для того, чтобы сильнѣе поразить и оглушить скромнаго пріятеля. Для этого взгляда есть достаточно основаній. Надобно замѣтить, что это письмо, въ полномъ соотвѣтствіи всей Гоголевской перепискѣ этого времени, отличается необыкновенной самонадѣянностью, задорностью и какимъ-то хвастливо пренебрежительнымъ тономъ по отношенію и къ лицамъ, которыхъ онъ уважалъ, и къ занятіямъ, которыми онъ жилъ. Цитированное письмо служитъ отличнымъ образчикомъ этого тона. Мы только что видѣли нѣсколько рѣжущій ухо фамильярный эпитетъ, приложенный къ Пушкину и Жуковскому: „сіи мужи“; не менѣе просто обращается Гоголь и съ двумя еще едва знакомыми ему фрейлинами: Урусовой

[1]) Н. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. Изд. 2, 1910 г., 240.
[2]) Письма Гоголя. Т. I, 196.

и А. О. Россетти: „Сильфида Урусова и Ласточка Розетти“ [1]). Тонъ этотъ стойко выдерживается даже и по отношенію къ себѣ. „Порося мое давно уже вышло въ свѣтъ“ [2]),—рѣчь идетъ о „Вечерахъ на хуторѣ“. Цѣну такой скромности Гоголя, особенно въ эту эпоху, мы хорошо знаемъ! Наконецъ, чтобы покончить съ этимъ письмомъ, укажу на то, что, хотя почти и каждый вечеръ собирался Гоголь съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, но такъ и не узналъ названія наиболѣе тогда понравившагося ему произведенія Пушкина. Я думаю, что читатели уже обратили вниманіе на „Кухарку“,—это, конечно, ошибка, и, какъ легко догадаться, рѣчь идетъ о „Домикѣ въ Коломнѣ“.

Не узналъ Гоголь наиболѣе понравившагося ему произведенія,—не запомнилъ и имени наиболѣе близкаго тогда Пушкину человѣка: въ письмѣ къ самому Пушкину отъ 21 августа 1831 г. Гоголь назвалъ жену Пушкина Надеждой Николаевной [3]), на что Пушкинъ не безъ ироніи отвѣтилъ: „Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна...“ [4]). Скажутъ, что это мелочь, описка: для пишущаго это такія возраженія глубоко неубѣдительны, т. к. онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что никакая обмолвка, описка и т. п. не бываетъ случайной, но вызвана всегда совершенно опредѣленными причинами, которыя можно вскрыть [5]). Въ данномъ случаѣ эта ошибка могла вытечь только изъ невниманія, по отношенію къ близкому и дорогому человѣку невозможнаго.

Но вотъ фактъ неизмѣримо болѣе значительный: 26-го мая 1831 г. было получено цензурное разрѣшеніе на „Вечера на хуторѣ“ [6]); и во все лѣто не познакомилъ Гоголь съ этимъ первымъ крупнымъ своимъ произведеніемъ Пушкина; онъ узналъ его только по выходѣ въ печать, осенью. Извѣстное письмо Пушкина къ А. Ѳ. Воейкову о „Вечерахъ“ начинается такъ: Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Ди-

[1]) Ib. 194.
[2]) Ib. 195.
[3]) Ib. 187.
[4]) Переписка Пушкина подъ редакц. Саитова, II, 312.
[5]) Объ этомъ см. З. Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни.
[6]) Соч. Гоголя, изд. X, Т. VII, 953.

каньки". Они изумили меня" [2]) и т. д. Все письмо отражаетъ непосредственное восхищеніе и неожиданное удивленіе [2]).—Ужъ о какой тутъ дружбѣ и интимности можетъ быть рѣчь, когда мы имѣемъ фактъ такой необыкновенной, почти невѣроятной скрытности.—Впрочемъ, и самъ Гоголь, вопреки общему мнѣнію, почти нигдѣ не говоритъ о своей дружбѣ съ Пушкинымъ (цитированное письмо является однимъ изъ немногихъ исключеній). Всѣ тѣ мѣста, которыя говорятъ объ его взглядахъ на Пушкина и его восторженномъ отношеніи къ нему и которыя можно въ изобиліи извлечь изъ „Выбранныхъ мѣстъ", „Авторской Исповѣди" и частной переписки,—всѣ эти безконечно цитировавшіяся мѣста содержатъ въ себѣ свѣдѣнія лишь объ ихъ идейномъ общеніи, а не о личной близости, а это двѣ вещи очень разныя. Наличности нѣкотораго идейнаго общенія не отрицаю и я, но сразу же долженъ замѣтить, что иниціатива этого общенія шла отъ Пушкина, что активной стороной оставался все время именно онъ, а Гоголь только слушалъ и принималъ къ свѣдѣнію. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе выносишь и изъ чтенія I-й части записокъ Смирновой (до 1837 г.), гдѣ онъ ни разу не изображенъ высказывающимся самостоятельно и оказывается скромнымъ и довольно молчаливымъ слушателемъ, и изъ большинства показаній, идущихъ отъ самого Гоголя.

Активность Пушкина по отношенію къ Гоголю сказывалась довольно часто, какъ увидимъ. Но самымъ сильнымъ ея проявленіемъ было указаніе Пушкинымъ Гоголю на серьезность его, Гоголя, таланта. Припомнимъ слова Гоголя: „Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло (писательства—В. Л.) сурьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но, которое, однакожъ, поразило его больше всего

---

[1]) Переписка Пушкина. II, 309.

[2]) В. Шенрокъ высказалъ предположеніе, что въ этомъ письмѣ Пушкина „всего скорѣе,... слѣдуетъ видѣть неточность, допущенную изъ нежеланія вдаваться въ откровенность". („Матеріалы для біогр. Гоголя" I, 346); но какіе у него были доводы для этого предположенія, осталось неизвѣстнымъ. Впрочемъ и онъ предполагалъ, что Гоголь „можетъ быть не читалъ вполнѣ „Вечера" Пушкину въ Царскомъ". Ib.

мною читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе. Это, просто, грѣхъ!..“ Онъ... отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ... Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“. (Мысль „Ревизора“ принадлежитъ также ему“) [1]). Замѣтимъ пока, что послѣднюю фразу Гоголь скромно ставитъ въ скобки. Разсмотримъ этотъ вопросъ—о заимствованіи сюжетовъ: мы здѣсь ничуть не выйдемъ изъ рамокъ нашей темы; вѣдь это заимствованіе какъ-будто также аргументъ въ пользу наличности тѣсн[illegible] творческаго общенія Пушкина и Гоголя. На самомъ же [illegible]ѣ, какъ мнѣ кажется, такой выводъ дѣлать едва ли воз[illegible]но. Сначала о сюжетѣ „Ревизора“. Гоголь упомянулъ о[illegible]тельно послѣдняго, какъ видимъ, въ скобкахъ и дово[illegible] глухо, т. е. онъ сказалъ, что этотъ сюжетъ, да даже и не [illegible]мъ сюжетъ, а только мысль его, принадлежитъ Пушкину, но ничего не сказалъ, чтобы Пушкинъ ему отдалъ его: на это надо обратить тѣмъ большее вниманіе, что мы имѣемъ на этотъ счетъ слѣдующее категорическое заявленіе П. В. Анненкова: „Извѣстно, что Гоголь взялъ у Пушкина мысль „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“; но менѣе извѣстно, что Пушкинъ не совсѣмъ охотно уступилъ ему свое достояніе. Однакожъ въ кругу своихъ домашнихъ Пушкинъ говорилъ смѣясь: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя“ [2]). Далѣе, безусловно полагаясь на Гоголя въ томъ, что сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ уступленъ Пушкинымъ ему добровольно, (хотя и этому противорѣчитъ показаніе Анненкова), — относительно такой же добровольной передачи сюжета „Ревизора“ приходится весьма и весьма усомниться. Появившееся недавно сообщеніе о „Ревизорѣ“ [3]) Пушкина пока ничего особеннаго для нашей цѣли не даетъ, да едва ли и можетъ дать, т. к. вообще этого факта передачи сюжетовъ, даже если бы она оказалась и добровольной,—никакого опредѣленнаго заключенія въ пользу творческаго общенія Пушкина и Гоголя мы бы

[1]) Соч. Гоголя, X изд., Т. V, 249.

[2]) Гоголь въ Римѣ. Литературныя воспоминанія 1909. 20—21.

[3]) Пушкинъ и его современники. Изд. А. И. Вып. XVI. Спб. 1913. Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ, П. О. Морозова стр., 110—114.

сдѣлать не рѣшились: вѣдь всякому такому заключенію грозить опасность разбиться о тотъ неопровержимый фактъ, что оба эти сюжета были обработаны Гоголемъ вполнѣ самостоятельно,—болѣе, они были обработаны даже и неожиданно.

„Боже, какъ грустна наша Россія!“ этотъ возгласъ, вырвавшійся у Пушкина по прочтеніи отрывка изъ „Мертвыхъ Душъ“, говоритъ о полной неожиданности впечатлѣнія. И изъ этого факта напрашивается само собой иной выводъ: именно, что въ процессѣ творческой работы надъ этимъ заимствованнымъ сюжетомъ Гоголь Пушкину своихъ замысловъ отнюдь не открывалъ. О какомъ бы то ни было поэтическомъ единеніи обоихъ писателей, на основаніи, по крайней мѣрѣ, этого факта, всякую мысль приходится, слѣдовательно, оставить.

Какъ на значительный аргументъ, который можетъ создать иллюзію идейной близости нашихъ поэтовъ, слѣдуетъ указать на извѣстныя слова Гоголя, что только Пушкинъ смогъ опредѣлить истинную сущность его таланта; но, конечно, въ данномъ вопросѣ этотъ аргументъ, повторяю, только иллюзія,—для оцѣнки писателя вовсе нѣтъ необходимости не только въ тѣсномъ идейномъ общеніи, но даже и просто въ личномъ знакомствѣ; это говоритъ только о критической проницательности Пушкина и больше рѣшительно ни о чемъ.

III.

Впрочемъ, и эта проницательность по отношенію къ Гоголю обнаружилась у Пушкина, надо думать, довольно поздно, и это еще одинъ и, конечно, весьма серьезный доводъ въ пользу ихъ идейной отдаленности и разобщенности. Очень жаль, что Гоголь не датируетъ этого факта, но, повторяю, изъ того, что мы знаемъ на этотъ счетъ, надо думать, что это опредѣленіе качества и силы таланта Гоголя Пушкинъ далъ очень поздно,—въ концѣ, а не въ началѣ ихъ знакомства. Знаемъ же мы слѣдующее:

Въ 1834 г. Гоголь былъ особенно озабоченъ полученіемъ каѳедры всеобщей исторіи въ открывавшемся тогда Кіевскомъ университетѣ; за помощью, за „протекціей“, онъ обратился, между прочимъ, и къ Пушкину, (первое письмо къ нему объ этомъ дѣлѣ помѣчено еще 23 дек. 1833 г.), причемъ во время ихъ переговоровъ, по выраженію В. Шенрока,

„откровенность обоихъ поэтовъ дошла до Геркулесовыхъ столповъ“ [1]): „Если зайдетъ обо мнѣ рѣчь съ Уваровымъ, скажите, что вы были у меня и застали меня еле живаго; при этомъ случаѣ выбраните меня хорошенько за то, что живу здѣсь (т. е. въ Петербургѣ—Б. Л.) и не убираюсь сей же часъ вонъ изъ города; что доктора велѣли ѣхать сей же часъ и стараться захватить тамъ (въ Кіевѣ—Б. Л.) это время. И сказавши, что я могу весьма легко черезъ мѣсяцъ протянуть совсѣмъ ножки, завести рѣчь о другомъ, какъ то о погодѣ или о чемъ нибудь подобномъ. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ будетъ безполезно“ [2]). Такъ писалъ Гоголь 13 мая 1834 г. Пушкину, и Пушкинъ сочувственно отвѣчалъ: „Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же навидать Уварова, и кстати о смерти „Телеграфа“, поговорю и о вашей“ [3]).

Хлопоты продолжались и дальше: это видно изъ записки Гоголя къ Пушкину, относимой В. Шенрокомъ (предположительно) къ іюлю 1834 г. [4]); и, если Гоголь такъ и не получилъ столь желательной для него Кіевской каѳедры, то отнюдь не по винѣ Пушкина, но зато, косвенно, м. б. благодаря, между прочимъ, и ему, получилъ каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ.—А вѣдь именно Пушкинъ то и былъ, казалось, болѣе способенъ, чѣмъ кто-нибудь еще, отнестись критически къ этому странному предпріятію, т. к., помимо уже общихъ соображеній на счетъ ценза Гоголя, у него была полная возможность и достаточно поводовъ познакомиться и съ его историческими знаніями: вѣдь какъ разъ въ эти годы Пушкинъ самъ былъ увлеченъ исторіей, самъ занимался ей и, конечно, гораздо болѣе трезво и сознательно, чѣмъ когда-либо Гоголь.

Намъ впрочемъ важно не то, что Пушкинъ обманывался на счетъ учености Гоголя,—онъ въ этомъ случаѣ раздѣлилъ ошибку со многими другими,—важно то, что онъ самъ, слѣдовательно, считалъ для Гоголя болѣе подходящей дорогу ученаго, чѣмъ художника; вѣдь полученіе штатной и оффиціальной профессуры, конечно, могло только мѣшать художе-

[1]) Матеріалы для біогр. Гоголя. II, 167.
[2]) Письма Гоголя VI. 296.
[3]) Письма Пушкина, ред. Сантова, III, 114.
[4]) Письма Гоголя I, 314.

ственной работѣ (къ этому присоединялось еще и удаленіе изъ литературнаго центра).

Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что если бы Пушкинъ зналъ лучше личность Гоголя и больше бы присмотрѣлся къ писательству его, онъ могъ бы только отсовѣтовать ему эту, столь плачевно окончившуюся, профессуру.

— — —

Есть и еще одинъ любопытный фактъ, говорящій также въ пользу моего предположенія: среди вообще очень немногочисленныхъ упоминаній Пушкинымъ имени Гоголя, мы встрѣчаемъ слѣдующую неожиданную замѣтку о немъ въ дневникѣ, относящуюся къ 7-му апрѣля того же 1834 г.: „Гоголь по моему совѣту началъ исторію русской критики“ [1]). Думаю, безпристрастіе обязываетъ согласиться, что этотъ совѣтъ былъ направленъ не по адресу.

Впрочемъ эта убѣжденность въ литературно-критическихъ способностяхъ Гоголя была у Пушкина довольно стойкой. „Задумавъ основать „Современникъ“, Пушкинъ, очевидно, возлагалъ большія надежды на предполагавшееся постоянное и самое дѣятельное сотрудничество Гоголя, которому, помимо художественныхъ произведеній, предполагалось отвести весьма видное участіе въ разныхъ отдѣлахъ журнала: въ первыхъ номерахъ „Современника“ мы находимъ составленныя Гоголемъ журнальное театральное обозрѣніе и почти всѣ рецензіи, помѣщенныя въ первой же книгѣ „Современника“... Для первой книги Гоголь приготовилъ журнальный обзоръ, кромѣ котораго предполагалъ также вести исторію критики; для одной изъ слѣдующихъ—приготовлялась статья о петербургской сценѣ“ [2]) (Эта статья вошла впослѣдствіи въ „Петербургскія Записки 1836 г.“ съ нѣкоторыми измѣненіями).

Дѣйствительно, въ первомъ нумерѣ „Современника“ Гоголь явился очень плодовитымъ сотрудникомъ и при этомъ больше какъ критикъ. Изъ чисто художественныхъ произведеній здѣсь помѣщено было „Утро дѣлового человѣка“ и „Коляска“: изъ критическихъ статей—„О движеніи журнальной литературы въ 1834—35 г.“ и цѣлый рядъ рецензій. Считая по

[1]) Лернеръ. Труды и дни Пушкина, изд. 2, 306.

[2]) Изъ примѣчаній Шенрока въ X изд. соч. Гоголя, VI, 695.

страницамъ, получаемъ, что художественнаго текста Гоголь представилъ 35 страницъ, а критическаго—около 50.—Оставляю въ сторонѣ вопросъ, насколько подходилъ Гоголь къ роли критика, (хотя все-таки не могу не указать, что недостатокъ знаній и общаго развитія долженъ былъ очень мѣшать дѣятельности Гоголя въ этой сферѣ), но полагаю, что отвлекать художника такой силы и притомъ такой специфической силы отъ его прямыхъ цѣлей не слѣдовало, и я могу объяснить себѣ это обстоятельствомъ таки только тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкинъ особенно надъ всѣмъ этимъ не задумывался.— Могутъ указать, что и самъ Пушкинъ не разъ очинялъ перо критика и даже рѣзкаго полемиста, но все-таки рецензировать такія книги, съ какими пришлось имѣть дѣло Гоголю, онъ никогда не брался; я сейчасъ приведу кое-что изъ этого матеріала, но прежде укажу вотъ на что: „Любопытно, что вначалѣ на Гоголя былъ, очевидно, возложенъ *весь трудъ* по оцѣнкѣ новыхъ книгъ, другими словами, онъ былъ сперва *единственнымъ* сотрудникомъ библіографическаго отдѣла журнала... Если мы пересмотримъ всѣ отзывы, помѣщенные въ этой книгѣ, то окажется, что никакихъ сотрудниковъ въ данномъ отношеніи у Пушкина и не было. Въ числѣ рецензій не принадлежащихъ Гоголю мы должны отмѣтить *только* двѣ рецензіи самого Пушкина. Кромѣ того, въ рецензіяхъ Гоголя мы находимъ указанія на то, что первоначально предполагалось и дальнѣйшее постоянное сотрудничество Гоголя въ „Современникѣ“ — не только въ отдѣлѣ литературномъ, но... и библіографическомъ. Но, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что во второй книгѣ „Современника“ выписываются вездѣ уже *одни только заглавія книгъ*, а рецензіи совершенно отсутствуютъ... Фактъ тотъ, что Гоголь, только принявшій на себя трудъ рецензента, совершенно отклоняетъ его отъ себя еще до отъѣзда своего за-границу“ [1]) (весна 1836 г.). Шенрокъ приводитъ нѣсколько догадокъ о причинахъ этого. По нашему мнѣнію, самой вѣроятной является то, что Пушкинъ не одобрилъ лаконичности и небрежности нѣкоторыхъ рецензій. Впрочемъ, чего было и ожидать?. Я назову кое-что изъ той „литературы“, которую долженъ былъ рецензировать Гоголь, и, надо будетъ

[1]) Ib. 731—32.

согласиться, что едва ли она и заслуживала болѣе внимательнаго отношенія [1]); вотъ нѣсколько заглавій: „Указатель губернскихъ и уѣздныхъ дорогъ въ Россійской Имперіи“, „Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ“, „Полная ручная кухмистерская книга“.—кстати приведу здѣсь и „рецензію“ на эту книгу: „Если воспользоваться всѣми этими рецептами, наставленіями, то можно сварить такую кашу, что и охотника не найдешь“ [2]). А вотъ образчикъ „исторической“ рецензіи: заглавіе: „Лѣтопись Русской Славы со времени воцаренія на русскомъ престолѣ Благословеннаго Дома Романовыхъ“; рецензія—„Памятная книжка въ родѣ календаря, въ которыхъ (sic) подъ каждымъ числомъ каждаго мѣсяца означены случившіяся въ тотъ день сраженія и всѣ подвиги (русскаго) нашего побѣдоноснаго войска. При ней находятся портреты императоровъ и великихъ генераловъ“ [3]). Есть, впрочемъ, и чисто литературные отзывы: „Прекрасная Астраханка, или Хижина на берегу Оки“ въ 2-хъ частяхъ; отзывъ: „Не романъ, а развѣ романчикъ, потому что въ 1-й части 42 страницы, а во второй 76“ [4]). Или еще: „Убійственная встрѣча“; отзывъ: „Эта книжечка вышла, стало быть, гдѣ-нибудь сидитъ же на бѣломъ свѣтѣ и читатель ея“ [5]). Правда, такія лаконическія рецензіи въ „Современникѣ“ напечатаны не были, но однако, отнюдь не вслѣдствіе ничтожности разбираемыхъ книгъ, т. к. „заглавія всѣхъ не помѣщенныхъ рецензій были, однако, *выписаны* въ „Современникѣ“, слѣдовательно онѣ *предполагались*“ [6]).

Съ другой стороны, подобныя же рецензіи попадаются и среди напечатанныхъ (см. Соч. т. V, стр. 529) и вообще изо всѣхъ книгъ только двѣ, казалось-бы, могли найти въ Гоголѣ серьезнаго рецензента: это—Историческіе Афоризмы Погодина и Исторія поэзіи Шевырева, т. I; но и то разборъ послѣдней Гоголь отложилъ до слѣдующаго номера и въ концѣ концовъ такъ его и не далъ. (Историческіе Афоризмы были разобраны).

[1]) Полностью эти рецензіи см. изд. X, т. VI, 354—366.
[2]) Т. VI. 357.
[3]) Ib. 354.
[4]) Ib. 356.
[5]) Ib. 357.
[6]) Ib. 735.

Надо же признать, что этотъ проектъ,—сдать Гоголю весь критическій и библіографическій отдѣлъ журнала,—проектъ, приведшій къ такому печальному концу, былъ глубоко неправиленъ и даже непрактиченъ въ самой своей основѣ. Такая ошибка была сдѣлана здѣсь Пушкинымъ и, надо думать, это не слишкомъ говоритъ въ пользу ихъ дружбы и писательской близости.

Какъ на лишній аргументъ въ доказательство этого своего взгляда, я позволю себя указать еще на одну, дѣйствительно, мелочь: но вѣдь въ мелочахъ то и легче проскользнуть незамаскированной правдѣ, и, на мой взглядъ, это мелочь все-таки характерная.

Въ декабрѣ 1834 г., передъ выходомъ въ свѣтъ „Арабесокъ", Гоголь въ одномъ изъ своихъ коротенькихъ писемъ Пушкину написалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я посылаю Вамъ предисловіе, сдѣлайте милость, просмотрите и если что, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами. Я вѣдь, сколько Вамъ извѣстно, серьезныхъ предисловій еще не писалъ, и потому въ этомъ дѣлѣ совершенно неопытенъ" [1]).

Безпокойство за предисловіе къ „Арабескамъ" было весьма небезосновательно: за крайнее самомнѣніе, звучавшее въ его тонѣ, Гоголю очень досталось по выходѣ книги въ свѣтъ отъ недоброжелательныхъ журналовъ. Пушкинъ, однако, очевидно, не обратилъ на эту просьбу должнаго вниманія и „Арабески" такъ и вышли въ свѣтъ съ этимъ самоувѣреннымъ и претенціознымъ предисловіемъ. Отмѣчу, однако, что на подобный тонъ посвященія Нибуру Полевымъ своей „Исторіи Русскаго Народа",—тоже своего рода предисловіе,—Пушкинъ въ свое время не преминулъ указать, и очень зло разобралъ его въ „Литературной Газетѣ" 1830 г.

IV.

Среди отзывовъ Гоголя о Пушкинѣ еще при жизни его особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе одно мѣсто въ перепискѣ Гоголя; именно, въ письмѣ отъ 8-го февраля 1833 г. А. С. Даниилевскому Гоголь, между прочимъ, пишетъ: „Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю свою жизнь, если какой нибудь случай,

[1]) Письма Гоголя. I, 329.

и болѣе необходимость, не затащать его въ деревню" [1]). Отзывъ, какъ видимъ, довольно критическій.

Въ заключеніе мнѣ остается только разсмотрѣть переписку обоихъ писателей между собой; это не отниметъ, однако, много вниманія у читателя. Дѣло въ томъ, что эта переписка оказывается поразительно скудной. Правда, со стороны Гоголя мы имѣемъ къ Пушкину 9 писемъ, но вѣдь это почти за 6 лѣтъ, и притомъ изъ нихъ 5 очень короткихъ записочекъ, занимающихъ 7—8 печатныхъ строкъ и написанныхъ по поводу какого-нибудь экстреннаго и спѣшнаго дѣла (въ наше время онъ просто поговорилъ бы по телефону); таковы записки во время хлопотъ о профессурѣ, о предисловіи къ „Арабескамъ" и т. п. Писемъ же въ собственномъ смыслѣ этого слова остается только 3. Т. о., если допустимъ такой разсчетъ, круглымъ счетомъ на 2 года придется по одному письму.

Со стороны Пушкина корреспонденція еще меньше, ровно втрое,—2 записочки и одно письмо, и то не очень большое. Брюсовъ характеризуетъ ихъ такъ: „Три небольшихъ письма Пушкина крайне сдержаны, хотя привѣтливы, любезны" [2]). Но если эта маленькая переписка писателей непосредственно даетъ мало матеріала для уясненія ихъ подлинныхъ отношеній, то зато очень краснорѣчива уже сама эта скудость ея, особенно, если принять во вниманіе, какъ щедры были оба поэта на письма, и какое грандіозное количество ихъ оставили они послѣ себя.

И стоитъ только внимательно перечитать эту переписку, чтобы стало до осязательности ясно, что живого и непосредственнаго желанія, какъ въ дружескомъ, такъ и въ идейномъ обмѣнѣ ни у той, ни у другой стороны не было. Но, могутъ указать, что въ то время Гоголь часто могъ видѣться съ Пушкинымъ лично; на это надобно, однако, замѣтить, что за это время имъ пришлось не одинъ разъ разставаться, и на довольно продолжительные сроки,—по нѣскольку мѣсяцевъ, когда переписка была бы такъ естественна.

---

[1]) Письма Гоголя, I, 241.

[2]) Гоголевскіе дни въ Москвѣ, 171.

Весною 1836 г. былъ поставленъ „Ревизоръ“; тотъ пріемъ, который встрѣтилъ пьесу со стороны большинства общества, та оцѣнка средствъ и намѣреній автора, которая была произведена по этому случаю,—все это выбило всякую почву изъ-подъ ногъ у Гоголя. Онъ вступаетъ въ періодъ мучительныхъ колебаній и тяжелаго раздумья о будущемъ. Онъ уѣзжаетъ за-границу, гдѣ предпринимаетъ, съ одной стороны, полный пересмотръ всего своего міровоззрѣнія, съ другой стороны, принимается за чисто художественную работу и, между прочимъ, за „Мертвыя Души“—Пушкинскій сюжетъ. Сколько причинъ и поводовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, обратиться къ Пушкину, подѣлиться съ нимъ тѣмъ, что дѣлалось въ то время у него на душѣ, но Гоголь ни разу не пишетъ Пушкину, съ которымъ онъ, между прочимъ, даже и не простился („Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ, онъ самъ въ этомъ виноватъ“) [1]. Особенно интересно, что это сказано какъ разъ въ томъ письмѣ Жуковскому, первомъ по отъѣздѣ, которое начинается словами Гоголя, что ему „очень прискорбно“ было уѣхать не простившись съ Жуковскимъ, и полно выраженіемъ горячей признательности къ нему за прошлое. Для Пушкина же ничего не нашлось, кромѣ приведеннаго сухого замѣчанія.

Проходитъ болѣе полугода, и Гоголь, теперь особенно щедрый на письма, длинныя и содержательныя, по отношенію къ Пушкину сохраняетъ полное молчаніе. А черезъ полгода было уже поздно и писать, т. к. Пушкинъ умеръ. И вотъ полились эти безысходно тоскливыя, щемящія жалобы Гоголя: „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что только занимало и одушевляло мои силы“ [2]). „Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше... Ничего не предпринималъ, ничего ни писалъ я безъ его совѣта. Все, что

[1]) Письма Гоголя, I, 385—86.
[2]) Ib. 432.

есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему... Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?" [1])

Въ свое время на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ жалобъ и создалась трогательная картина дружбы двухъ величайшихъ поэтовъ своего времени. Теперь пора признать, что это была сказка, красивая, какъ всѣ сказки, и призрачная, какъ большинство ихъ.

„О, Пушкинъ, Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни [2])", воскликнулъ однажды Гоголь. Не разслышимъ ли мы теперь въ этихъ словахъ безотчетнаго признанія того, какъ мало было въ ихъ отношеніяхъ непосредственности и истинной близости, какъ несущественны и слабы были всѣ ихъ земныя связи.

Пушкинъ никогда не преувеличивалъ своей близости съ Гоголемъ и не далъ ни одного намека для возникновенія подобнаго взгляда. Что заставило Гоголя пойти на эти преувеличенія? сказался ли тутъ, какъ думаетъ В. Брюсовъ, его обычный гиперболизмъ въ воспріятіи, или сюда примѣшалось еще горькое раскаяніе за свою постоянную холодность и замкнутость, безвозвратно помѣшавшія въ свое время превратиться этому „прекрасному сну" въ явь, — этотъ пунктъ такъ и останется предметомъ однѣхъ догадокъ.

Борисъ Лукьяновскій.

---

[1]) Ib. 434.
[2]) Ib. 459.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 02 17 01 010 3